

Лу Цзыяо остановился. Замешательство на его лице сменилось решимостью, и он повернулся в сторону дворца наследного принца.

— Раньше его разыскивали власти. Какими бы хорошими ни были его навыки, он не мог сдавать военные экзамены, поэтому пришел во дворец лишь ради пропитания, — искренне объяснял Лу Цзыяо прошлое Чжан Сы, стоя перед наследным принцем в кабинете.

— Его нет в моем дворце, — наследный принц не отступал и, равнодушно повернувшись, пристально посмотрел на Лу Цзыяо. — И в императорском дворце его тоже нет. Но он в безопасности, можешь не волноваться.

Лу Цзыяо с облегчением вздохнул и горячо спросил:

— Ваше Высочество хочет выяснить его прошлые грехи? Когда он был ребенком, в его родном краю вспыхнула чума, уцелели лишь он да его мать...

— Всё это мне известно, — наследный принц безразлично посмотрел на него. — Лу Цзыяо, ты слишком добр. Тебе стоит очертить вокруг себя границы и не протягивать руки слишком далеко, чтобы не навлечь на себя беду.

Лу Цзыяо опешил.

Он не мог понять, было ли предупреждение наследного принца дружеским советом или скрытой угрозой.

— С этого дня забудь о Чжан Сы. Считай, что его никогда не существовало, — произнес наследный принц. — С его умениями ему вовсе не обязательно зарабатывать на кусок хлеба в дворцовых стенах.

Лу Цзыяо понимающе кивнул.

Раз наследный принц гарантировал, что жизнь Чжан Сы сохранена, Лу Цзыяо действительно не следовало расспрашивать дальше — оставалось лишь покорно откланяться.

Однако...

— Ваше Высочество! — Лу Цзыяо всё же неосмотрительно поднял голову. — Если бы не желание защитить меня, он бы прекрасно жил во дворце, и всё из-за этой чумы...

Наследный принц поднял руку, прерывая его:

— Когда вы с пятым братом перевели Чжан Сы из моего дворца к хуэй-фэй, я уже начал расследовать его прошлые дела. Если бы в этот раз он не отличился, защитив тебя, его голова давно летала бы отдельно от тела.

— Ваше Высочество, у него не было дурных намерений! Он проник во дворец лишь для того, чтобы позаботиться о своей бывшей госпоже из поместья генерала!

Наследный принц тихо усмехнулся:

— Откуда тебе знать, что у него не было намерений?

— Он не коварный человек! Я могу... — взволнованно возразил Лу Цзыяо.

Наследный принц перебил его:

— Но он фальшивый евнух.

Услышав это, Лу Цзыяо словно проглотил тяжелую холодную клетку — дыхание перехватило, и он не смог вымолвить ни слова!

— Невероятно искусный фальшивый евнух, рискуя жизнью, крутится возле хуэй-фэй — и ты утверждаешь, будто у него нет намерений? — Наследный принц, едва сдерживая гневливый порыв, повысил голос. — Это ведь наложница моего августейшего отца!

Теперь Лу Цзыяо окончательно всё понял, тут же откланялся и покинул дворец наследного принца.

Чжан Сы оказался фальшивым евнухом.

К счастью, события в уезде Пинжун дали Чжан Сы возможность отличиться, иначе, когда наследный принц в тайне раскрыл бы всё, Чжан Сы гарантированно лишился бы головы.

Хотя наследный принц и был великодушен и не придирался к мелочам, но в глубине души строго придерживался традиционной морали и ни за что не потерпел бы скандала вокруг наложницы своего Императора-отца.

Вернуть Чжан Сы к хуэй-фэй было уже невозможно.

Пристроить «рога» Императора во дворец хуэй-фэй помогли спланировать младшие братья вместе с Лу Цзыяо.

Неудивительно, что наследный принц закипал от злости, едва заходила речь об этом. Ведь Лу Цзыяо лично помог Чжан Сы наладить связи и оформить перевод! То, что наследный принц не призвал его к ответу, уже было проявлением великого снисхождения. А он, оказывается, еще и с полным правом явился во дворец наследного принца требовать человека — поистине «обнаглел от безнаказанности»...

* * *

Стал любимчиком наследного принца, зато седьмой принц «отправил его в холодный дворец».

На этот раз пухлый малыш разозлился всерьез: он не только отказывался мыться, но и не желал пить молоко из рук Лу Цзыяо.

Чтобы продемонстрировать свою решимость больше никогда не уезжать в «командировки», Лу Цзыяо попросту перебрался во дворец Цинцун.

Он даже не выходил из дворцового комплекса! И уж тем более не собирался покидать столицу!

В тот вечер во время трапезы си-фэй, бросив взгляд на сына, грязного, словно ком грязи, даже есть не смогла. Она с громким стуком положила палочки для еды и в недоумении спросила у Лу Цзыяо:

— Чем ты его опоил? Стоило тебе задержаться на пару дней, как он устроил такое!

Лу Цзыяо с горькой ухмылкой объяснил:

— Император занят государственными делами, а рядом с Его Высочеством нет других старших мужчин...

Си-фэй обомлела, задумалась и с удивлением прошептала Лу Цзыяо:

— Ты хочешь сказать, Седьмому не хватает отцовской любви?

Едва Лу Цзыяо собрался ответить, как раздался треск. Он повернул голову и увидел, что седьмой принц переломил палочки для еды. Свирепо глядя на него, малыш медленно поднял глаза, словно немо вопрошая: «Отцовской любви?»

— О! Конечно же нет! — Лу Цзыяо поспешно отбросил фантазии о роли заботливого отца и с виноватым видом пояснил: — Как я смею претендовать на такое положение? Я лишь товарищ по играм Его Высочества.

Однако си-фэй по его поведению уже кое-что поняла и погрузилась в раздумья.

Говорят, дети, мало общающиеся с отцами, в большинстве своем неразговорчивы.

Неудивительно, ведь си-фэй казалось, что она всей душой одаривает сына любовью, но ей всё равно не удавалось воспитать его таким же выдающимся, как наследный принц.

В конце концов, во всем виноват Император: приходя во дворец Цинцун, он заботился лишь о том, чтобы уединиться с ней, и совсем не обращал внимания на сына.

Сын, должно быть, очень расстраивался?

Си-фэй с состраданием посмотрела на замарашку-сына, после чего повернулась к Лу Цзыяо и попросила:

— Пожалуйста, отдавай этому больше сил и заботы, заменяй ему Императора и составь хорошую компанию.

Лу Цзыяо, чью роль «старого отца» впервые признала сама си-фэй, испытал всплеск радости и уже хотел согласиться, как вдруг почувствовал исходящую рядом плотную жажду крови...

Повернувшись и встретив вопрошающий взгляд, который бросал седьмой принц, Лу Цзыяо лишь понурил голову и смущенно пробормотал, что «не достоин такой чести».

После ужина седьмой принц снова отправился во двор тренировать искусство владения мечом.

Пухлый малыш изо всех сил старался побольше вспотеть и наотрез отказывался мыться, пытаясь таким способом заставить Лу Цзыяо горько пожалеть о своем поступке.

Перед лицом бунтующего дитя Лу Цзыяо исчерпал все уловки.

Взяв маленькую вертушку, принесенную из дома, он попытался подлизаться к пухленькому малышу.

— Ваше Высочество в детстве больше всего любил эту вертушку, жаль только, потом она сломалась, — Лу Цзыяо бегал по всему двору вслед за кружащимся с мечом малышом, протягивая ему мельничку, и хвастливо добавил: — Вчера я попросил мастеров из Ведомства внутренних дел починить ее! Ваше Высочество, дуньте на нее, попробуйте!

Бунтующий седьмой принц остался равнодушен. Развернувшись, он навел меч на запад —

Лу Цзыяо не успел увернуться, не удержал вертушку в руках, и она, вращаясь, упала прямо к ногам седьмого принца.

Лу Цзыяо не стал нагибаться, надеясь, что пухлый малыш сам поднимет игрушку, однако юный бунтарь словно и не заметил её и продолжил оттачивать искусство владения мечом.

Маленькая вертушка отлетела дальше в пыли, поднятой движениями ног Его Высочества, точно забытый товарищ детских игр.

Неизвестно почему, но от этого зрелища Лу Цзыяо внезапно почувствовал тоску. Опустив голову, он уставился на вертушку, и у него даже покраснели глаза.

Седьмой принц краем глаза заметил странное выражение лица своего маленького компаньона, тут же прервал занятие искусством владения мечом и с недоумением уставился на Лу Цзыяо.

Лу Цзыяо тихо пробормотал:

— Ваше Высочество вырос, и вертушка ему больше не нужна.

Седьмой принц нахмурился, не понимая, с чего вдруг глупый Лу Цзыяо капризничает.

Бездушный маленький компаньон уехал на целых четыре месяца, прислал всего одно письмо, да и в том от силы десятков строк!

И у него хватило дерзости обижаться!

Седьмой принц отправил в Гусу в общей сложности сорок семь писем, но все они канули без вести, как камень в море. Трижды он пытался перелезть через дворцовую стену, но был пойман, выслушал кучу брани и отбыл в совокупности полтора месяца домашнего ареста.

И он еще смеет капризничать!

Гнев и обида в груди седьмого принца вот-вот готовы были взорваться, но при виде слезящихся глаз маленького компаньона вся спесь с него сдулась. В конце концов, проявив бесхарактерность, он вложил меч в ножны, опустился на одно колено и протянул руку, чтобы поднять вертушку.

Увидев, что вертушка покрылась пылью, седьмой принц подсознательно надул щеки и дунул — крылья вертушки тут же закружились.

Тень опустилась сверху.

Сдувавший пыль с вертушки седьмой принц поднял голову и увидел добродушную улыбку на лице глупого Лу Цзыяо...

Лу Цзыяо был тронут до глубины души.

Пухленький малыш снова играет с вертушкой!

«Старый отец» с чувством полного удовлетворения протянул руку и пощекотал щечку малыша...

Проходившая мимо си-фэй ошеломленно замерла от этой картины!

И впрямь... картина идиллии любящего отца и восторженного сына!

— Все-таки ты понимаешь детей лучше, — с глубоким вздохом произнесла си-фэй, обращаясь к Лу Цзыяо. — Наставляй его как следует.

Лу Цзыяо с глубокомысленным видом кивнул.

Седьмой принц, сжимая в руке вертушку, застыл в полном недоумении...

Нет! Все совсем не так!

Если ребенок бунтует и отказывается мыться, он практически безнадежен.

Чтобы пухлый малыш понял, насколько противен человек, который не моется, Лу Цзыяо решил проверить способ на себе.

Он будет не мыться вместе с ним!

Узнав о его «воспитательном методе», си-фэй с трудом изобразила поддержку, хотя в душе была в полном отчаянии.

Раньше ей каждый день приходилось наблюдать одного грязного сына, а теперь к нему добавился еще и грязный компаньон — настоящий двойной удар.

Однако Лу Цзыяо считал, что так седьмой принц сможет через другого человека осознать свои ошибки, избавиться от обиды и послушно отправиться купаться, поэтому си-фэй всё же безоговорочно поддержала его задумку.

Спустя пять дней, одним солнечным днем.

Грязный Лу Цзыяо с измученным видом, словно нищий, сидел на земле в углу двора, скрестив ноги, и отчаянно наблюдал за тем, как замазанный пухлый малыш сошелся с наставником-спарринг-партнером уже в третьем раунде.

Наставник отступал то ли от поразительного мастерства, с каким малыш демонстрировал искусство владения мечом, то ли от несносного запаха пота — так или иначе, при каждом столкновении с пухлым малышом он терпел поражение за поражением.

Седьмой принц вложил меч в ножны, поднял руку, глядя на свою ладонь, и в его глазах вспыхнул восторг.

<http://bllate.org/book/18379/1767084>